

Валерий Брюсов

**Записка о правописании
в издании сочинений
А. С....**

Валерий Яковлевич Брюсов

Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина

«Всеобъемлющий гений Пушкина охватывал все стороны духовной жизни его времени: не только интересы искусства, в частности – поэзии, но и вопросы науки, общественной деятельности, политики, религии и т. п. Тем более энциклопедистом был Пушкин как писатель: все, так или иначе связанное с литературой, было им вновь пересмотрено и продумано...»

**Валерий Брюсов
Записка о правописании
в издании сочинений
А. С. Пушкина**

Всеобъемлющий гений Пушкина охватывал все стороны духовной жизни его времени: не только интересы искусства, в частности – поэзии, но и вопросы науки, общественной деятельности, политики, религии и т. п. Тем более энциклопедистом был Пушкин как писатель: все, так или иначе связанное с литературой, было им вновь пересмотрено и продумано. Лирик по призванию, драматург, проложивший новые пути для русского театра, романист, создавший нашу прозу, поразительный переводчик, Пушкин вместе с тем был и историк, сумевший остаться самостоятельным в эпоху подавляющего господства Карамзина, и автор увлекательных путевых записок, и деятельный журналист, сам – редактор-издатель лучшего временника его дней и усердный сотрудник других изданий, где помещал свои вдумчивые безошибочные критики, заметки на самые разнообразные темы, острую полемику. В то же время Пушкин посвящает свое внимание вопросам истории литературы, теории поэзии, техники стиха, грамматики и, наконец, орфографии, как теснейшим образом связанным с литера-

турой. И вся эта разносторонняя деятельность образует стройное целое, потому что отражает единое мирозерцание, составляет различные проявления единой, цельной личности великого поэта.

Словно предвидя, что жизнь его будет безвременно оборвана, Пушкин как бы торопился набросать на бумагу свои мысли, свои наблюдения по поводу самых разнообразных вещей, начиная с вечных «мировых» вопросов, кончая «историческими анекдотами». Эти беглые заметки, в том виде, как они дошли до нас, вероятно, не предназначались для печати; тем не менее в этих разрозненных страницах везде сквозит гениальная прозорливость Пушкина, и взятые вместе, они оказываются как бы продуманной системой взглядов и убеждений. Одна мысль поддерживает другую, первое суждение поясняется вторым, случайное замечание получает новый смысл в связи с остальными. Как сочинения Пушкина, так и его убеждения — это живой организм, из которого нельзя изъять одну часть, не повредив целого. Удаляя одну заметку Пушкина, мы лишаем ряд дру-

гих пояснительного толкования. Устраняя один из взглядов Пушкина, мы отнимаем часть их силы у других. Пушкина должно принимать в его целом, и только тогда получаем мы в полноте грандиозный облик нашего национального гения.

Вполне понятно, что вопросы языка живейшим образом интересовали Пушкина. В одной беглой заметке он высказывает замечательную мысль: «Только революционная голова, подобная Марату и Пестелю, может любить Россию, – так, как писатель только может любить русский язык». И Пушкин, действительно, любил русский язык, которым владел с таким совершенством, а любя, не мог не стараться этот язык осмыслить, вполне уяснить себе. Среди тех беглых заметок, о которых мы упоминали, значительная часть посвящена именно вопросам языка, в том числе грамматики и правописания. Эти заметки составляют столь же необходимое звено в общей цепи размышлений Пушкина, как и все другие: о драматургии, например, о роли критика, о назначении журналиста... Пушкин-филолог неразрывно связан с Пушки-

ным-поэтом. Но из этого следует, что не только филологические заметки Пушкина не могут быть выкинуты из собрания его сочинений, но в этом собрании должны быть соблюдены и самые взгляды Пушкина на язык, на грамматику и на правописание. Изменяя их, мы тоже отнимаем что-то, и весьма существенное, у цельного облика Пушкина.

Заметок Пушкина, непосредственно касающихся правописания, дошло до нас около десятка. В процентном отношении это – немалое число, принимая во внимание все то разнообразие интересов Пушкина, которое было вкратце охарактеризовано. Важно то, что к вопросам, как должно писать, Пушкин возвращался не раз, относился к ним не безразлично. Пушкин думал над русской орфографией, давал себе определенный отчет в том, почему то или другое слово писал так, а не иначе. Например, в одной заметке Пушкин обсуждает, как писать «юбка» или «юпка», решая вопрос в пользу первого написания; в другой – предлагает писать «телега» от «телец», в третьей – «двенадцать» от «двоена-дцать»; далее защищает написание «цы-

ганы», а не «цыгане», и т. п. Но еще важнее, что в зрелые годы жизни Пушкин сам держался вполне определенной орфографии. В детстве и в ранней юности он, естественно, подчинялся господствовавшим правилам. Но начиная с 20-х годов во всех рукописях Пушкина сказывается единая, притом своеобразная орфография, отвечающая общим взглядам поэта. В отдельных случаях, особенно в скорописи, в черновых набросках, есть отступления от этого правописания, но в целом оно выдержано и крайне характерно. Можно и должно говорить о «пушкинском правописании», тогда как определенной орфографии, тем более самостоятельной не было не только у Жуковского, Боратынского, Дельвига, но даже и у Лермонтова. Те писали «как бог на душу положит»; Пушкин – следуя своим обдуманым взглядам на начертания слов.

«Пушкинское правописание» не совпадает ни с орфографией, принятой в его время, ни с позднейшей, установленной в середине века. Как один из ярких примеров «пушкинского правописания», можно указать на окон-

чание прилагательных мужского рода в именительном падеже: Пушкин упорно писал это окончание «ой», а не «ый», т. е. «серебряной», «бронзовой» (а не «серебряный», «бронзовый», – беру эти примеры из середины стиха, а не из рифмы). Таким написанием объясняются весьма многие рифмы Пушкина. Именно, он совершенно свободно рифмовал прилагательные мужского рода в именительном падеже с прилагательными женского рода в иных падежах или с именем. Таковы, например, рифмы (выбранные из огромного числа подобных же): «затворник опальной – с отрадою печальной», «отшельник бессарабской – сказочкой арабской», «шалаш убогой – лесной дорогой», «сон глубокой – беглянки черноокой», «жар полдневной – с царевной», «конь ретивой – гривой», «остов гордой – мордой» и т. п. По той же причине Пушкин мог позволить себе рифмовать: «дальной – печальной», «Долгорукой – наукой» и т. п. При ином написании все эти рифмы исчезают или становятся неправильными, натянутыми, между тем Пушкин неправильных римф всегда избегал. Пушкин настолько стро-

го следовал своему написанию, что даже избегал рифмовать такие прилагательные мужского рода в именительном падеже со словами на «ы», что весьма обычно у современных поэтов, пишущих окончание на «ый». Только в виде исключения встречаются у Пушкина рифмы такого типа, например, «суровый – дубровы», и их очень немного. Несколько свободнее был в этом отношении Пушкин в причастиях, рифмуя, например, «оживленный – неизменны», вероятно, потому, что рассчитывал на сильное произношение двух «н», смягчавшее неточность рифмы. Во всяком случае, все эти особенности и оттенки пушкинской рифмы пропадают, если не сохранить его правописания. Без такой орфографии становится непонятно, почему Пушкин избегает рифм «ый – ы», и вообще получается неверное представление об отношении Пушкина к рифме: кажется, что он охотно позволяет себе неточные рифмы, тогда как в действительности дело обстоит совершенно наоборот.

Перечислять здесь все особенности пушкинской орфографии было бы слишком длинно: это – задача особого исследования.

Но для характеристики значения пушкинской орфографии достаточно еще нескольких примеров. Так, несомненно, что Пушкин употребляя букву «с», придавал ей значение не только орфографическое, но и фонетическое. В корнях слов Пушкин ставил «с» приблизительно там же, где ее обычно ставили и впоследствии, за немногими исключениями («телега», «двенадцать» и др.). Но во флексиях Пушкин явно отличал неударяемое «с» от «е». Именно, он охотно рифмовал неударяемое «с» с неударяемым «и», но избегал рифмовать «и» с «е». Поэтому у Пушкина обычны рифмы, как «в самом дсле – постели», «няни – в банс», «пени – перемснс», но очень редки рифмы, как «горе – вскорс», и их скорее всего должно объяснять как «рифмы для глаза», которых Пушкин не был чужд. По-видимому, Пушкин в произношении редуцировал неударяемое «с» в «и», а неударяемое «е» в «я». Если изменить пушкинское правописание, исчезнет эта характерная особенность пушкинского произношения, отпадает один из элементов, по которому мы можем полнее узнать личность великого поэта. В том, что касается

Пушкина, ничто не должно считаться нестоящей мелочью, и, если правописание Пушкина помогает нам ближе узнать говор Пушкина, это уже достаточный довод, чтобы сохранить в его сочинениях букву «с» там, где она поставлена в рукописях.

Отметим далее, что Пушкин держался в некоторых случаях своеобразных взглядов на род имен, писал, например, упорно «кудри хитрые», «кудри золотые», но «золотыя апельсины», и т. п. Если изменить окончания прилагательных множественного числа, эти особенности речи Пушкина пропадут также. При этом можно еще указать, что Пушкин довольно строго старался рифмовать «ые» с «ие», а «ыя» с «ия», например, «родные – какие». Точно так же строго рифмовал Пушкин «анье» и «енье» с «анье» и «енье», но избегал рифмовать с этими окончаниями «анья» и «енья». Вся эта характерная строгость пушкинских рифм видна только при пушкинском правописании. То же самое должно сказать об окончаниях с одним «н» и двумя «нн»: Пушкин строго избегал рифмовать одно «н» с двумя «нн», и где у него есть такая рифма,

ее должно считать исключением, отступлением от обычных правил, поставленных себе поэтом. Поэтому необходимо сохранить, например, написание Пушкина «гостиная» через одно «н», иначе рифма «гостиной – половиной» окажется непушкинской, исключением, тогда как для Пушкина она была – точной.

Среди своеобразий пушкинской орфографии общеизвестно написание «щастье», «нещастной» через «щ». Эта особенность опять-таки позволяет нам уяснить, как Пушкин сам произносил некоторые свои стихи. Например, он, может быть, не написал бы стиха: «Как щастлив я, когда...», если бы после «к» должно было стоять «сч». Вопрос об том, какие согласные Пушкин допускал сталкиваться в конце одного и в начале другого слова, – весьма важен для понимания просодии Пушкина. Но этот вопрос возможно изучать, вообще исследовать, только – соблюдая правописание Пушкина.

Наконец, напомним, что у Пушкина, особенно в ранний период его творчества, встречается значительное количество «рифм для глаза». Такие рифмы имеют смысл исклю-

чительно при пушкинском написании: иначе не получается ни созвучия, ни соответствия в словах. Именно, Пушкин рифмовал не только «возвращенный – смиренный», «осужденный – вселенной», «слез – перенес» (что остается внешней рифмой и при ином правописании), но также: «ея – своя», «златаго – мертваго» и т. п. Рифма «златого – Мертваго» (фамилия) – пропадает при всяком ином написании.

Повторяем: нами приведены только примеры, и список особенностей пушкинского правописания и его значения для изучения Пушкина можно было бы значительно увеличить. Но и по приведенным примерам видно, что пушкинское правописание позволяет нам выяснить целый ряд черт в личности поэта: его произношение, его говор, его отношение к рифмам, т. е. к технике стиха, его просодию, ту звучность, какую он сам придавал своим стихам, и т. д. Только сохранив правописание Пушкина, мы можем правильно оценивать внешнюю форму его стихов, так как только тогда рифмы, точные для самого поэта, остаются точными и для нас, сохранится звуко-

пись Пушкина, будет видна его забота о сочетании звуков между собою и т. п. Только написав, как Пушкин, «цыгане», мы правильно прочтем стихи Пушкина; только помня, что Пушкин писал «Долгорукой», мы произнесем по-пушкински это слово, рифмующееся с «наукой»; только зная, что у Пушкина написано «близъ» с твердым знаком, «вкривъ» с твердым знаком (Пушкин писал также «близъ»), мы не удивимся созвучию «вкрив – вручив», и т. п. Стремиться узнать Пушкина полно – наша долг, наша прямая обязанность. Издавая сочинения Пушкина, мы должны стараться дать книгу, по которой можно было бы как можно полнее понять весь облик Пушкина. Пушкинское правописание стоит в неразрывной связи с языком Пушкина и с его стихом. Изменяя пушкинское правописание, мы устраняем возможность узнать ряд сторон в личности поэта. По отношению к иному писателю это, может быть, и не слишком важно. Но Пушкин был и остается нашим учителем в литературе и прежде всего – в языке и в стихе. Что написано у Пушкина, то считается каноном, как освященное

великим поэтом. Поэтому видоизменять язык Пушкина есть уже преступление, а мы невольно изменяем язык, изменяя правописание. Вывод из всего сказанного может быть лишь один: при издании сочинений Пушкина можно держаться лишь одного правописания: пушкинского. Так сделано при издании Академии наук и в лучшем частном издании под редакцией проф. Венгерова; так должна поступить и Литературно-издательская комиссия. Как неосторожно было бы изменять правописание «Слова о полку Игореве», так неправильно изменять правописание Пушкина. Пушкин имеет право сохранить свое, им созданное, им обдуманное правописание. Издателям остается лишь следовать за Пушкиным.

1919